

Верстунина И. В. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Языковая личность Ипполита Матвеевича Воробьянинова
в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»
и в рассказе «Прошлое регистратора ЗАГСа»***

Аннотация. В статье рассматривается образ одного из главных героев романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – Ипполита Матвеевича Воробьянинова. Описаны все уровни языковой личности данного персонажа. В статье осуществляется лингвоперсоналогический подход к художественному произведению. Исследуется взаимодополняемость произведений «Двенадцать стульев» и «Прошлое регистратора ЗАГСа». Приведены возможные способы применения данного исследования в школьной практике преподавания лингвистических курсов.

Ключевые слова: романы, языковая личность, рассказы, литературные герои, русская литература, русские писатели.

Verstunina I. V. (Yekaterinburg, USPU)

***Language personality of Ippolit Matveevich Vorobyeninov
in the novel by I. Ilf and E. Petrov «Twelve chairs»
and in the story «Past Registrar of the registry office»***

Abstract. The article considers the image of one of the main characters in the novel by I. Ilf and E. Petrov «The Twelve Chairs». All levels of language personality by Ippolit Matveyevich Vorobyeninov are described. In the article, a linguopersonological approach to an artistic work is carried out. The relationship between products «The Twelve Chairs» and «Past Registrar of the Registry Office». Possible ways of applying this research in school practice are presented.

Keywords: novels, language personality, stories, literary heroes, Russian literature, Russian writers.

Герой-лидер и его верная десница – одна из распространенных дихотомий в истории мировой литературы. Произведения

начала XX века не стали исключением. Одним из знаковых авантюрных романов эпохи стал роман-фельетон И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», а его главный герой Остап Бендер стал практически архетипом. Вместе с ним в романе на принципе контраста и противопоставления действует Ипполит Матвеевич Воробьянинов. «В целом Воробьянинов под надзором Остапа Бендера “быстро растворялся в могучем интеллекте сына турецко-подданного”. Данный образ не соответствует новому имени. Ипполит Матвеевич продолжает терять себя и смиряется с прозвищем, которое более пристало ребенку, чем взрослому человеку. Отныне он Киса Воробьянинов и просто Киса, Кисуля. Прозвище, созвучное со словами *кислый*, *киса* (кот), свидетельствует о презрительном и пренебрежительном к нему отношении со стороны великого комбинатора» [Лелеш 2015: 74]. «Несоответствие уменьшительно-ласкательного прозвища его взрослому носителю приводит к отрицательному эффекту, ведь Ипполит Матвеевич, прожив долгую жизнь, не сумел стать чем-то большим, чем Киса. Воробьянинов не нашел себя в новом времени, он опустил до воровства, попрошайничества, обмана и убийства, его падение сопровождалось сменой номинаций, вызывающих у читателя улыбку, а не ощущение трагедии» [Лелеш 2015: 75]. «Заключенное в дворницкой соглашение между Бендером и Воробьяниновым влечёт за собой установление иерархических отношений, имитирующих характерное для канализованной плутовской литературы распределение ролей между пикаром и господином» [Люликова 2015: 4].

Отсюда образ Кисы Воробьянинова становится интересным для изучения с лингвоперсонологической точки зрения. Он ярко противопоставлен образу Остапа Бендера, из-за чего собственные его черты становятся более отчестливыми.

Изучение данного образа в свете лингвоперсонологии позволит по-новому взглянуть на литературоведческий анализ художественного произведения. Результаты данного исследования можно будет применять как на уроках литературы при анализе романа «Двенадцать стульев», для сопоставления героев при закреплении понятия «контраст», так и на уроках русского языка или культуры речи при рассмотрении конкретных коммуникативных ситуаций. Актуальность данной работы будет состоять в попол-

нении лингвистического подхода к изучению художественного произведения. Таким образом, основными целями данного исследования станет выяснение черт речи, свойственных данному персонажу, степень их воздействия на собеседника и читателя.

В своем романе И. Ильф и Е. Петров подчеркивают консервативность во взглядах Воробьянинова, касающихся жизненных устоев. Несмотря на то, что его мир раздолжности и вседозволенности был разрушен, он пытается сохранить свои привычки, сформировавшиеся на протяжении большого количества лет.

При анализе **фонетико-фонологических** особенностей речи Воробьянинова можно отметить нормативность. В его речи нет непреднамеренного изменения положения ударения в словах, но иногда можно отметить небольшое заикание. Однако слова он произносит нечетко, что объясняется его нежеланием вступать в коммуникацию и быть понятным для собеседника.

В звучании речи Воробьянинова можно наблюдать нотки клишированности, что можно объяснить особенностями его профессиональной деятельности и малым кругом общения, который в начале романа ограничен обществом тещи, которую он не любил, а, следовательно, и мало с ней общался. Чаще всего это бытовые темы и проблемы, а их вербализовать можно привычным для обоих коммуникантов способами, либо вообще обойтись только жестами и мимикой.

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

– *Рождение? Смерть?*

– *Сочетаться, – повторил мужчина в пиджаке и растерянно оглянулся по сторонам.*

<...>

– *Молодые люди, – заявил Ипполит Матвеевич **выспренно**, – позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, **оч-чень** приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, **оч-чень** приятно!*

Как видно из приведенного эпизода Воробьянинов использует несколько устаревшие и клишированные интонации, т. е. в словаре С. И. Ожегова прилагательное **ВЫСПРЕННИЙ** трактуется как «то же, что и высокопарный» с пометой *устар.* [Оже-

гов 2014: 190]. Данная нарочитая пафосность перемежается небольшим заиканием. Такой авторский прием подчеркивает стремление Воробьянинова не выходить за рамки стандарта, хотя политическая ситуация в стране на тот период перевернула все жизненные устои. Начинает свою формальную речь Воробьянинов довольно общепринято, но уже во втором предложении добавляет свои слова. Темп речи меняется, он начинает запинаясь, заикаться, повторяться – все это подчеркивает его волнение, когда необходимо действовать в ситуации, которая не предполагает определенного сценария.

Заикаться Воробьянинов начинает и тогда, когда видит перед собой более уверенного собеседника, каковым является Остап Бендер. Когда они встречаются в дворницкой, Ипполит Матвеевич думает, что помощник в таком сложном деле, как поиски бриллиантов, не повредит, а на деле получается, что помощником будет он, Воробьянинов начинает неумело спорить.

В эпизоде первой главы, когда на работе у Воробьянинова был перерыв, герой начинает заикаться, когда его высказывания сослуживцы стали принимать на смех: ***М-мальчишка!** – прошептал Ипполит Матвеевич и, негодуя, направился к своему столу.* Здесь можно услышать и привычную громкость речи Ипполита Матвеевича и его невысказанное недовольство.

Также можно услышать заикание в речи Воробьянинова, когда он узнает, что может снова разбогатеть, если найдет бриллианты: *«Но вы хотя бы представляете себе, куда эти стулья могли попасть? Или вы думаете, быть может, что они смиренхонько стоят в гостиной моего дома и ждут, покуда вы придете забрать ваши **р-регалии**?»* Здесь заикание объясняется высоким эмоциональным напряжением.

Заикается он и в зале торга, когда понимает, что прокутил все деньги, заработанные им в союзе «Меча и орала». Понимает, что так просто он не отделается от наказания Остапом Бендером: *«Нет, действительно, это **ч-черт** знает что такое! – продолжал горячиться Воробьянинов. – Дерут с трудящихся тридцать три рубля. Ей-Богу!.. За какие-то подержанные десять стульев двести тридцать рублей. С ума сойти...».*

Вообще, зачастую эмоции Воробьянинова не подвластны ему, он не контролирует громкость речи и ее содержание. Например,

когда он узнает о местонахождении бриллиантов тещи, то сразу же срывается и начинает буквально кричать, хотя изначально в коммуникацию на смертном одре вступил неохотно.

Если собеседник сильнее Воробьянинова, то он пытается не спорить и не вызывать конфликт, но в обратном случае Ипполит Матвеевич показывает свое нетерпение. Например, когда в конце рабочего дня к нему пришел Безенчук, он разговаривает с ним более строго.

Все же с высоты своего возраста Воробьянинов не забывает о своих привычках молодого повесы, который не против пофлиртовать с молодыми барышнями, при чем здесь он уже не такой вспыльчивый, сдерживает своих эмоции, чтобы понравиться Лизе.

Вывод: на фонетико-фонологическом уровне в речи Ипполита Матвеевича Воробьянинова наблюдается нормативность, но, когда он начинает нервничать по самым разным причинам, то начинает иногда заикаться, выдавая свою неуверенность. Он не любит вступать в коммуникацию, и, если есть возможность от нее уйти, Воробьянинов не станет дальше продолжать беседу и уйдет, пробормотав что-то *невнятное*. В силу своей основной деятельности – регистратора ЗАГСа – он привык использовать клишированные фразы, отсюда клишированные и безэмоциональные интонации. Он может подстроиться под ситуацию и использовать подходящий тембр голоса, однако не всегда он это делает умело и не всегда это приводит к ожидаемым результатам. Например, после желания произвести впечатление на Лизу, он просыпается в отделении милиции, «из двухсот рублей, которыми он так позорно начал ночь наслаждений и утех, при нем оставалось только двенадцать».

На **словообразовательном уровне** в речи Ипполита Матвеевича Воробьянинова также можно отметить следование норме. Иногда он использует словоерс, но не в знак почтения к собеседнику, а, наоборот, для того, чтобы «подстегнуть», например, в схватке с отцом Федором: «*Да-с, да-с, национализированное*».

Либо для того, чтобы подчеркнуть псевдоосновательность своей проблемы, когда он обсуждает физические убытки, полдуенные на разных этапах концессии: «*Нет-с, простите, повреждения я получил на работе-с!*» Также это подчеркивает волнение Воробьянинова.

В начале романа называет тещу «*маман*». С одной стороны это слово можно понимать как употребленное с просторечным аффиксом. Суффикс *-ан-* имеет следующее словообразовательное значение: «лицо или животное, характеризующееся тем, что названо мотивирующим словом с семантическим подтипом “лицо, склонное к тому, что названо мотивирующим словом (с оттенком неодобрения)”»: *интриган, политикан*» [АГ'80: 188, § 339]. С другой стороны – это день чести французским манерам, которые из-за политической обстановки ушли в небытие.

Воробьянинов не теряет возможности вспомнить былые времена, всячески пытается поддерживать в себе дворянские привычки. В силу своей консервативности и патриархальности он не склонен принимать что-то новое, а уж тем более не способен сам что-либо создавать. В его речи нет какого-либо намека на словотворчество и метафорическое использование высказываний.

На **лексическом уровне** наблюдается смешение слов разных стилей, смешиваются просторечные, устаревшие и клишированные конструкции. В его фразах наряду с книжной лексикой, привычка употреблять которую сформировалась у Воробьянинова еще в эпоху царской России, используются и сниженная, ругательная лексика. Клишированность в его речи обусловлена должностью, которую он занимает последние несколько лет. Просторечность и употребление устаревших слов – результат желания Воробьянинова сохранить в себе дворянские замашки, которые он с легкостью продемонстрировал в XXII главе «От Севильи до Гренады», когда пытался произвести впечатление на Лизу. Здесь его лексика колеблется от высокой книжной («*Помню я Москву, Елизавета Петровна, не такой. Сейчас во всем скарденность чувствуется. А мы в свое время денег не жалели. “В жизни живем мы только раз” – есть такая песенка*»), до просторечной («Нет, зачем же? Как дворянин, не могу допустить! Сеньор! Счет! Хамы!...»). Здесь же он показывает ведомость своего характера, употребляя услышанную им фразу Остапа Бендера: «*Может быть, вам еще дать ключ от квартир, где деньги лежат?*»).

Также он иногда употребляет калькированные фразы из французского и немецкого, например, *бонжур, гут морген* (1).

Остап просит Воробьянинова сказать целое высказывание на смеси языков:

– *Французский язык знаете, надеюсь?*

– *Очень плохо. В пределах гимназического курса.*

– *Гм... Придется орудовать в этих пределах. Сможете ли вы сказать по-французски следующую фразу: «Господа, я не ел шесть дней»?*

– *Мосье, – начал Ипполит Матвеевич, запинаясь, – мосье, гм, гм... же не, что ли, же не манж па... шесть, как оно, ен, де, труа, катр, сенк, сис... сис... жур. Значит – же не манж па сис жур! (2)*

Если первые фразы показывали хорошее расположение духа героя перед началом дня, то перевод предложения «Господа, я не ел шесть дней» вызван потребностью героев в денежных средствах. Если в первом случае Воробьянинов использует слова, желая выразить *собственное* состояние, то во втором – его на это сподвигает Остап Бендер, дабы доказать Воробьянинову, что «*Теперь вы дозрели и приобрели полную возможность зарабатывать деньги честным трудом*». Однако барские замашки Ипполита Матвеевича дают о себе знать, он «*мигом преобразился. Грудь его выгнулась, как Дворцовый мост в Ленинграде, глаза метнули огонь, и из ноздрей, как показалось Остапу, повалил густой дым. Усы медленно стали приподниматься.*

– *Ай-яй-яй, – сказал великий комбинатор, ничуть не испугавшись. – Посмотрите на него. Не человек, а какой-то конек-горбунок.*

– *Никогда, – принялся вдруг **чрево вещать** Ипполит Матвеевич, – никогда Воробьянинов не протягивал руку...*

– *Так протянете ноги, старый дуралей! – закричал Остап. – Вы не протягивали руки?*

– *Не протягивал».*

В этом небольшом эпизоде видно, как Ипполиту Матвеевичу претит делать то, что предлагает ему Остап Бендер. Однако своих вариантов заработка Воробьянинов предложить не может, и вынужден согласиться с гендиректором концессии. В этом же эпизоде можно проследить как меняются сравнения о Воробьянинове: *Дворцовый мост – конек-горбунок – старый дуралей*. Такая динамика коррелирует с биографией Ипполита Матвеевича: когда-то он был богат и знаменит в определенных кругах, потом произошли

изменения в жизни страны, а он не менял своих приоритетов. Остап Бендер с легкостью выводит Воробьянинова на чистую воду, доказывая несостоятельность его мироустройства:

– Как вам понравится этот альфонсизм? Три месяца живет на мой счет! Три месяца я кормлю его, пою и воспитываю, и этот альфонс становится теперь в третью позицию и заявляет, что он... Ну! Довольно, товарищ! Одно из двух: или вы сейчас же отправитесь к «Цветнику» и приносите к вечеру десять рублей, или я вас автоматически исключаю из числа пайщиков-концессионеров. Считаю до пяти. Да или нет? Раз...

– Да, – **пробормотал** предводитель.

– В таком случае повторите заклинание.

– Месье, же не манж па сис жур. Гебен **мир зи** битте этвас копек ауф дем штюк брод. Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы.

– Еще раз. **Жалостнее.**

Ипполит Матвеевич повторил.

– Ну, хорошо. **У вас талант к нищенству заложен с детства.** Идите. Свидание у источника в полночь. Это, имейте в виду, не для романтики, а просто вечером больше подают.

Воробьянинов ничего не может поставить в противовес аргументам Бендера и, как всегда, что-то бормоча себе под нос, соглашается с ним и делает то, что Остап предлагает. Остап легко манипулирует интонациями Воробьянинова, а тот покорно соглашается. В конце Остап резюмирует, что нищенство заложено в Ипполите Матвеевиче уже давно, но он пытается это скрыть под лоском былых цитат и надежд.

Вывод: лексика, употребляемая Ипполитом Матвеевичем, подчеркивает его стремление сохранить свои старые привычки молодого ветреного повесы и слабость его характера. Наряду с невнятностью своей речи он использует вышедшие из обихода формы.

На **морфолого-синтаксическом уровне** можно наблюдать немногословие и преобладание простых предложений с большой долей клишированности. «Владение морфологической нормой во многом определяет степень языковой компетенции личности» [Иванова 2014: 115]. Речь Ипполита Матвеевича Воробьянинова всегда зависит от контекста. Он не станет повторять слова, а предпочтет просто что-то пробормотать себе под

нос, лишь бы не затягивать коммуникацию. Он отдает всю инициативу собеседнику, а сам делает вид, что поддерживает разговор, на самом деле желая, чтобы все быстрее закончилось. Следовательно, о высоком уровне его языковой компетенции говорить не приходится, т. к. Воробьянинов часто использует просторечные формы слов, употребление которых было вытеснено современной нормой еще в начале XX века.

При общении с Остапом Бендером он многого не может понять в силу его быстрой и запутанной речи: *«Ипполит Матвеевич даже и не старался ничего понять. Он уже давно махнул на все рукой и молча сидел, надувая щеки»*.

При анализе вербально-семантического уровня языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова мы пришли к выводу о том, что на всех уровнях языковой системы проявляется следование старшей норме, стремление к отказу контроля над ситуацией, этому способствуют однотипные интонации в речи, ее темп и неконтролируемые скачки, вызванные высоким эмоциональным напряжением героя. Он часто вскрикивает, тем самым выдавая свое беспокойство и нетерпение получить все здесь и сейчас, не проявив какой-либо смекалки и эрудиции. Воробьянинов не хочет что-либо менять в своей жизни, что могут подтвердить взаимоисключающие синтагмы в предложении: *«Этот пиджак я ношу уже пятнадцать лет, и он все как новый!»*.

Концептуальный уровень языковой личности характеризуется через лексикон, прагматикон и тезаурус [Караулов 2010: 98].

В **прагматикон** личности входят следующие прецедентные феномены: Пфеферкорн и Инезилья. Все они употреблены с целью произвести впечатление на молоденькую Лизу. Пытаясь всячески ублажить молодую особу, Воробьянинов лжет про свой возраст, включает все известные ему способы обольщения, которые он использовал уже много лет назад.

Основу **тезауруса** языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова будут входить слова, касающиеся его основной деятельности – регистратора ЗАГСа и бухгалтерский учет, т. к. на протяжении всего романа он отвечает за материальное благосостояние «компании», которую он устроил вместе с Остапом Бендером по поиску бриллиантов. В приведенном нами лексиконе это такие слова как *дело, деньги, цифра, рубль, бриллианты,*

стулья. Данные слова используются с определенной частотностью, т. к. это обусловлено спецификой авантюрного романа.

Таким образом, при описании концептуального уровня языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова мы можем судить о его основных жизненных установках – это стремление сохранить в своей жизни спокойный и беспечный уклад дворянской жизни, не отягощенный изнурительной физической или тяжелой интеллектуальной работой. Даже в таком личном деле, как поиск бриллиантов собственной тещи, он сумел найти человека, который основной груз ответственности взял на себя и продуцировал все идеи. Воробьянинов лишь подсчитывал убытки и радовался доходам, которые удавалось получить на разных этапах общего дела с Остапом Бендером.

Степень личной вовлеченности в различные коммуникативные ситуации обусловлена у Ипполита Матвеевича Воробьянинова размером прибыли, которую он может получить при общении с определенным человеком. Чаще всего он не стремится сам начинать беседу, пытаясь однословно поддерживать или просто выходить из коммуникации. Он не держит контроль над ситуацией, поэтому стиль его общения можно назвать невлиятельным. Отвечает невнятно, односложно.

Все приведенные выше особенности речи языковой личности Ипполита Матвеевича Воробьянинова возможно спроецировать на классификацию типов речевых культур И. А. Стернина [Стернин 2013: 8-9], т. к. его общий культурный фон не отличается особой широтой, в его взглядах на жизнь нет особой глубины, все ограничивается жадной легкой наживы и преодолением нищенской черты. Применение данной классификации, которая была разработана в отношении реально существующих людей, показывает ее универсальность.

При характеристике всех уровней языковой личности мы пришли к выводу о том, что Ипполит Матвеевич Воробьянинов по своей сущности – консерватор, не жалеющий принимать новое. Он неохотно взаимодействует с людьми, привык писать клишированные фразы в толстые книги, не проявляя интереса ни к тому, что он пишет, ни к тем, про кого он пишет. Всю ответственность стремится переложить на других, а сам уйти, бормоча что-то себе под нос. При этом, когда ситуация подра-

зумеает его ответ за свои слова, герой начинает нервничать, заикаться и говорить что-то нелогичное.

В рассказе «Прошлое регистратора ЗАГСа» показано начало жизненного пути Кисы Воробьянинова. В романе «Двенадцать стульев» в деталях описан один из эпизодов жизни героя, который он заканчивает трусливым покушением на Остапа Бендера. На протяжении романа Воробьянинов перенимает некоторые причуды Остапа Бендера и в конце приходит к выводу, что завершить концессию он сможет сам, забрав себе все драгоценности.

Литература

1. *Иванова Е. Н.* Морфологические предпочтения исторической языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 115-121.

2. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010.

3. *Лелеш В. В., Крисанова И. В.* Антропонимическая парадигма «Ипполит Матвеевич Воробьянинов» в романе И. Ильфа, Е. Петрова «Двенадцать стульев» // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. – 2015. – № 1. – С. 72-77.

4. *Люликова А. В.* Традиции карнавальской культуры в диалогии И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2015. – № 2 (4). – С. 273-276.

5. *Маслова И. В.* Николай Стахеев: историческая личность в литературном образе Кисы Воробьянинова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6-2 (56). – С. 111-113.

6. *Русская грамматика.* – М.: Наука, 1980. – Т. 1.

7. *Стернин И. А.* Типы речевых культур. – Воронеж, 2013.

8. *Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова.* – 28-е изд., перераб. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2014.